

*Посвящается моим друзьям-библиотекарям —
знатокам книг, истинным магам Дома Жизни.*

*Без вашей помощи автор
безнадежно заблудился бы в Дуате.*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Приведенный ниже текст представляет собой расшифровку цифровой аудиозаписи. В некоторых местах из-за плохого качества звука автору приходилось домысливать отдельные слова и фразы. Там, где это возможно, в расшифровке приведены изображения упомянутых в записи символов. Фоновые звуки, такие как шорох шагов, шум потасовок, перебранки и прочее, в тексте опущены. Автор не берет на себя смелость утверждать, что запись подлинная. Более того: в то, что оба юных рассказчика говорят правду, поверить почти невозможно... однако вам, читателям, предстоит разобраться в этом самостоятельно.

ГЛАВА 1

СМЕРТЬ У ИГЛЫ

Картер

У нас остается в запасе всего несколько часов, так что слушайте внимательно.

Если вы слушаете сейчас эту историю — значит, вы уже в опасности. Возможно, Сейди и я — ваш единственный шанс на спасение.

Отправляйтесь в школу. Отыщите в раздевалке шкафчик. Не стану говорить, в какую школу и какой шкафчик: если вы в самом деле те, к кому мы обращаемся, вы найдете их сами. Нужная комбинация — 13/32/33. Когда вы прослушаете запись до конца, то узнаете, что означают эти цифры. Просто не забывайте, что история, о которой мы вам расскажем, еще не закончилась. И как она закончится — зависит от вас.

Запомните самое главное: когда вы откроете сверток и увидите, что в нем, ни в коем случае не держите его у себя больше недели. Конечно, соблазн будет велик. В смысле, он ведь наградит вас почти беспредельными возможностями... Но если вы будете владеть им слиш-

ком долго, он вас поработит. Поскорее раскройте секреты свертка и передайте его дальше. Спрячьте где-нибудь в надежном месте для следующего человека, так же, как мы с Сейди спрятали его для вас. А потом приготовьтесь к тому, что ваша жизнь станет очень, очень... интересной. Насыщенной так уж точно.

Ага, ладно, Сейди тут говорит, чтобы я перестал болтать попусту и переходил к самой истории. Значит, так. Думаю, все началось в Лондоне, в ту самую ночь, когда наш папа подорвал Британский музей.

Меня зовут Картер Кейн. Мне четырнадцать лет, и вся моя жизнь вмещается в чемодан.

Думаете, я шучу? Мы с отцом путешествуем по свету с тех пор, как мне исполнилось восемь. Вообще-то я родился в Лос-Анджелесе, но отец у меня археолог, и из-за работы ему приходится много разъезжать по миру. Чаще всего мы ездим в Египет, потому что отец специализируется на египтологии. Зайдите в любой книжный магазин, возьмите любую книгу про Египет, — скорее всего ее автором окажется доктор Джулиус Кейн. Хотите знать про то, как древние египтяне выковыривали из мумий мозги, или как они возводили свои пирамиды, или про проклятие могилы Тутанхамона? Тогда мой папа — тот, кто вам нужен. Конечно, были и другие причины, которые заставляли отца метаться из одной страны в другую, но в то время я еще ничего не знал о его тайне.

В школу я не ходил. Отец сам занимался со мной, устроив мне вроде как домашнее обуче-

ние, если только эти слова применимы к человеку, которого никогда не было дома. Он учил меня тем вещам, которые сам считал важными, так что я знаю кучу всего про Древний Египет, баскетбол, ну и про джазовую музыку тоже. И вообще я читал довольно много книг, все, что попадалось под руку, — от исторических монографий отца до всякой фантастики, и все потому, что я часто просиживал дни напролет в отелях, аэропортах или на раскопках, где у меня не было ни одного знакомого. Отец, правда, вечно ворчал, чтобы я не сидел сиднем с книжкой, а шел погонять мяч с ребятами. Вот только вы, случайно, никогда не пробовали затеять баскетбольный матч в какой-нибудь египетской дыре вроде Асуана? То-то и оно.

Отец рано приучил меня держать все свои пожитки в единственном чемодане, который легко помещался бы в багажный отсек над сиденьем в салоне самолета. Сам он ограничивался тем же количеством багажа, разве что ему разрешалось иметь еще сумку с рабочими археологическими инструментами. Правило номер один: заглядывать в эту сумку мне строго-настрого запрещалось. И я этого правила ни разу не нарушил — вплоть до того самого дня, когда прогремел взрыв.

Это случилось в сочельник. Мы тогда как раз приехали в Лондон, чтобы навестить мою сестру Сейди.

Видите ли, папе разрешено видеться с ней только два раза в год — один день зимой, один — летом, потому что бабушка и дедуш-

ка терпеть его не могут. После того как наша мама умерла, ее родители (наши бабушка и дедушка) затеяли грандиозную тяжбу с моим отцом. После шести адвокатов, двух потасовок и едва не закончившегося смертоубийством нападения с использованием шпателя (ох, даже не спрашивайте) они отвоевали право оставить Сейди у себя в Англии. Ей тогда было шесть, на два года меньше, чем мне, а содержать нас двоих они не могли — по крайней мере, так они обосновали свой отказ взять меня к себе тоже. Так что Сейди росла как обычная британская школьница, а я странствовал вместе с отцом. С Сейди мы виделись всего дважды в год, что меня не особо огорчало.

(Заткнись, Сейди. Да, да, я уже перехожу к сути.)

Короче, наш рейс пару раз задержали, и когда мы с отцом наконец приземлились в Хитроу, был уже вечер. Холодный, промозглый такой вечер. И пока мы тащились на такси через весь город, было заметно, что отец сильно нервничает.

Вообще-то отец у меня здоровяк, и по виду не скажешь, что его легко вывести из равновесия. Кожа у него смуглая, как у меня, голова бритая наголо, пронзительные карие глаза, еще он носит острую бородку, так что здорово напоминает эдакого ученого-злодея, как в кино. В тот вечер он был одет в зимнее кашемировое пальто и свой лучший коричневый костюм, из тех, которые надевает для лекций. Обычно он держится очень уверенно, сразу привлекающая к себе всеобщее внимание, где бы он ни

появился, но время от времени — как раз как в тот вечер — он ведет себя совсем по-другому... и тогда я толком не понимал, что с ним происходит. Он все время оглядывался через плечо, как будто за нами кто-то гнался.

— Пап? — окликнул я его, когда мы съехали с шоссе. — Что-нибудь не так?

— Пока их не видно, — пробормотал он.

И только тут отец, видимо, заметил, что говорит вслух, потому что вздрогнул и уставился на меня.

— Ничего, Картер. Все в полном порядке.

Тут я, конечно, встревожился, потому что мой отец вообще-то жуткий вун. Я всегда знал, что он что-то от меня скрывает, но также понимал, что, сколько его ни доставай, правды он не скажет. Наверное, он старался уберечь меня от чего-то, вот только не знаю от чего. Иной раз я задумывался: может, в его прошлом есть какая-то мрачная тайна, и теперь его преследует какой-нибудь заклятый враг, но сама эта идея казалась мне попросту глупой. Папа ведь всего-навсего археолог, какие у него враги?

Признаться, меня насторожил еще один факт: отец крепко вцепился в свою рабочую сумку. Обычно, когда он так делает, это означает, что нам угрожает опасность. Как, например, в тот раз, когда в наш отель в Каире вломились трое вооруженных бандитов. Я услышал выстрелы в вестибюле и сбежал вниз посмотреть, все ли в порядке с отцом. Когда я домчался до подножия лестницы, отец уже преспокойно застегивал молнию на сумке, а трое бандитов

в отключке свисали с люстры, зацепившись за нее ногами, так что их балахоны свесились им на головы и были видны трусы. Полиции отец заявил, что ничего не видел, так что в итоге полицейские занесли в протоколы, что причиной происшествия стала техническая неисправность люстры.

В другой раз мы оказались в центре уличных беспорядков в Париже. Отец тогда бросился к ближайшей припаркованной на улице машине, впихнул меня на заднее сиденье и велел мне лежать и не высовывать носа. Я тогда что было силы вжался в пол и крепко зажмурился. Я только слышал, как отец на водительском сиденье копается в своей сумке, что-то негромко бормоча себе под нос, пока толпа снаружи орала и бесчинствовала, круша все, что попадется под руку. Через несколько минут он сказал, что опасность миновала и мы можем выходить. Все остальные машины в квартале были опрокинуты и сожжены, и только наша сияла свежей полировкой, да еще под щетки «дворников» было подсунуто несколько купюр в двадцать евро.

В общем, я стал относиться к сумке отца с изрядным почтением. Она словно была нашим счастливым амулетом. Вот только если отец держал ее под рукой, это означало, что нам вот-вот понадобится большая порция удачи.

Мы миновали центр города и двинулись дальше на восток, туда, где жили мои бабушка с дедушкой. Проехали мимо золотых ворот Букингемского дворца, мимо каменной колонны на Трафальгарской площади. Лондон,

конечно, классное место, но когда так много путешествуешь, все города начинают сливаться в один. Другие ребята часто говорили мне: «Ух ты, везет тебе, ты столько путешествуешь». Вот только у нас редко было время полюбоваться достопримечательностями, да и денег не хватало, чтобы разъезжать по миру с комфортом. Обычно мы останавливались в каких-нибудь дешевых гостиницах и редко задерживались на одном месте больше чем на пару дней. Так что по большей части мы вели жизнь беженцев, а не туристов.

Хотя, конечно, никто бы не подумал, что в работе моего отца может быть что-то опасное. Обычно он выступал с лекциями вроде «Может ли египетская магия в самом деле убить вас?» или «Самые популярные наказания в загробном мире Древнего Египта» и прочей ерундой, до которой большинству людей нет никакого дела. Но, как я уже говорил, поведение моего отца отличалось и странностями. Он всегда держался очень осторожно и тщательно проверял каждый номер в отеле, прежде чем позволить мне войти внутрь. Иногда он врвался в музеи, чтобы взглянуть на какие-нибудь артефакты, быстро делал в блокноте заметки и спешил прочь, словно боялся, что его засекут камеры слежения.

Помню, однажды, когда я был еще маленький, мы неслись с ним через весь аэропорт Шарля де Голля в Париже, чтобы успеть на самолет, и отец никак не мог расслабиться, пока самолет наконец не поднялся в воздух. Я тогда прямо спросил его, от чего мы убегали, и он